

ЗВЕНИГОРОДЪ И САВВИНЪ МОНАСТЫРЬ.

(1407—1907).

I.

Нигдѣ не видѣлъ я такого богатства растений: цвѣты, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свѣжести; липы и дубы прекрасны, дорога оттуда въ Москву есть самая пріятная для глазъ, гористая, но какіе виды!..

Карамзинъ въ «Отеч. Достопамятн.».

ВНАМЕНИТЫЙ исторіографъ умеръ въ 1826 г., но въ теченіе 80 лѣтъ ничто не измѣнилось: и богатство растений, и привлекательная для глазъ дорога, и живописные виды. Погромыхивая бубенчиками, бойкія лошади «вольныхъ» ямщиковъ трусятъ по шоссе, и навстрѣчу тарантасу изъ глубины великорусскаго простора выплываютъ рощи, нивы, усадьбы, дачи, деревни съ нависшимъ надъ ними синимъ небеснымъ куполомъ. Вотъ показалась усадьба князя Голицына, въ виду Звенигорода тонетъ въ вѣковой зелени шереметевскій дворецъ, бѣлый, какъ лебедь. Смотришь на эти тихія барскія гнѣзда съ полузапущенными парками и ветхими мостиками черезъ овражки, гдѣ властно разрослись бурьянъ и лопухи, и вспоминаешь изъ «Аскольдовой могилы»: «встарину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ». При дорогѣ первая деревня Шарапово уже пахнула промышленнымъ духомъ:

17*

Видъ Звенигорода.

здѣсь живутъ крестьяне - кустари, славящіеся производствомъ плетеной мебели и корзинъ; за Шараповымъ пойдутъ Скоротово, Аксиньино, Введенское и бокъ-о-бокъ съ Звенигородомъ Игнатово, всѣ попеременно съ цвѣтистыми полями, лѣсами, дачами и съ пашнями. И вездѣ ютится кустарь, потому что мать-земля кормитъ скудно. Въ лѣтнюю пору дышишь и не надышишься полевымъ воздухомъ, слушаешь и не наслушаешься жаворонковъ. Во ржи перекликаются перепела. Надъ сплошными коврами изъ бѣлаго болиголова (по-здѣшнему—«больная голова»), желтой и желто-бѣлой ромашки, лиловыхъ колокольчиковъ, желтаго курослѣпа («Акулина-слѣпота»), сладкой кашки, дикой гвоздики и изъ множества другихъ цвѣтовъ—рѣютъ касатки. Нѣтъ-нѣтъ да и прогуляется по дорогѣ желтоголовая овсяночка; нѣтъ-нѣтъ да и выпорхнетъ изъ куста щеголевато-одѣтый реполовъ или коноплянка. На полосатомъ верстовомъ столбѣ, глядишь,—посиживаетъ румяный подорожникъ и по-своему славить лѣто. Что за прелесть! И не замѣчаешь, какъ бѣгутъ версты.

Сверкнула серебристая лента рѣки Москвы, изъ которой уѣздные жители вылавливаютъ головлей, ершей, линей, окуней, щукъ. Панорама Звенигорода раскрывается во всей своей патріархальной привлекательности. Городскія улицы, проулочки съ простоватыми домиками, перемежающимися садами и огородами, торговая площадь, съ которой во всѣ стороны видны поля и лѣса, долины съ чарующей пестрядью цвѣтовъ, неугомонныя птицы, наконецъ—эти плодovitыя семьи сосенъ, всегда красивыхъ, всегда горделивыхъ, всегда изумрудныхъ,—все это какъ будто говоритъ о томъ, что человѣкъ еще недавно началъ здѣсь подчинять природу своей волѣ и построилъ городъ; а между тѣмъ Звенигородъ—городъ древній. И хотя «строеніемъ въ которомъ году начать и совершенъ извѣстія за погорѣніемъ 1723 г. звенигородской канцеляріи не отыскано», однако онъ существовалъ еще въ началѣ XIV столѣтія, потому что Иванъ Калита, этотъ впервые титулованный «князь Великій всея Руси», упоминаетъ о Звенигородѣ въ своей духовной грамотѣ. Впрочемъ, стародавностью отъ городка не вѣсть, развѣ что грязь, пустыри да мощеніе улицъ большею частью березками осинками и тому подобной молодежью изъ чернолѣсья напоминаютъ Москву вѣка XIV-го. Патріархальность еще сказывается въ отсутствіи дощечекъ съ названіемъ улицъ, изъ коихъ одна все-таки упорно именуется Пѣтуховской—въ честь полулегендарнаго обывателя Пѣтуха; жилъ онъ давно и занимался гаданіемъ, причемъ, по преданію, держалъ «оракулъ» вѣрхомъ-внизъ. И вотъ его увѣковѣчили. Если, съ одной стороны, Пѣтуховская улица говоритъ о потомствѣ, умѣющемъ чтить своихъ М. Задекъ и Кизеветтеровъ¹⁾, то съ другой—этимъ обнаруживается и полное

¹⁾ Кизеветтеръ—извѣстный знатокъ и изслѣдователь гаданій.

захолустье, несмотря на близость столицы; дѣйствительно, въ городѣ нѣтъ даже книжной лавки и негдѣ купить газету. Гостиницы грязны и шумливы.

Звенигородъ—Звени-городъ, или Звонъ-городъ: оттого въ гербѣ его помѣщается колоколъ. Амщицкіе бубенчики позваниваютъ отъ утренней зори до вечерней, но рѣдокъ и зауряденъ колокольный звонъ трехъ мѣстныхъ церквей: соборной, Вознесенской и кладбищенской. Кажется, въ наше время замѣчательные понамари только

Верхній посадъ въ Звенигородѣ.

и есть въ Ростовѣ Великомъ, гдѣ не забыты традиціи митрополита Іоны. Въ Москвѣ любопытенъ звонарь-любитель въ Срѣтенскомъ монастырѣ: это французъ... Ни церковь Вознесенія Господня, ни кладбищенская Рождества Христова въ архитектурномъ отношеніи не замѣчательны. Живопись въ нихъ греческаго пошиба и—странное дѣло!—одинъ за другимъ выходятъ труды такихъ выдающихся знатоковъ иконописанія, какъ Н. П. Кондаковъ, или Н. П. Лихачевъ, или А. И. Успенскій, но развѣ отражаются ихъ указанія и авторитетъ на иконахъ новаго писанія? Во всякомъ случаѣ, если и отражаются, то крайне рѣдко. Великолѣпные атласы и «патеры», и лицевые списки расходятся, минуя, повидимому, иконниковъ, которые, сидя въ своихъ московскихъ или владимирскихъ мастер-

скихъ, только краешкомъ уха слышать о нихъ, какъ о какихъ-нибудь римскихъ катакомбахъ съ замѣчательными фресками.

На городскомъ кладбищѣ нѣтъ выдающихся памятниковъ и историческихъ могилъ.

Достоинъ вниманія соборъ Успенія Божіей Матери—краса «Городка». Рѣкою Москвою съ разводнымъ деревяннымъ мостомъ Звенигородъ дѣлится на двѣ части; зарѣчная называется Верхнимъ посадомъ, а эта, заключившая въ себѣ торговую площадь, административныя учрежденія, знаменитую Пѣтуховскую улицу и Вознесенскую и кладбищенскую церкви,—эта часть известна подъ именемъ Нижняго посада. Разбросался онъ на возвышенности; съ юго-западной стороны къ нему примыкаетъ Солдатская Слободка, зеленый, дачный уголокъ съ живописными обрывами. Куда ни посмотришь, вездѣ красота. «Звенигородъ—подмосковный Крымъ!»—говорятъ въ Москвѣ. И дѣйствительно, эти болѣе чѣмъ 25-саженные горы, долины, расцвѣченныя пестрыми коврами, эти изумрудные логи, гдѣ торопливо течетъ рѣчка Жерновка, вбирая попутно риднички, эти волнообразные пригорки, по которымъ, словно бесчисленные рубины, краснѣетъ земляника,—все вмѣстѣ по-истинѣ напоминаетъ красавицу Тавриду, разумѣется, только безъ ея зноя, лазурнаго моря и чумазыхъ татаръ. И какой здѣсь упоительный воздухъ! недаромъ покойный знаменитый терапевтъ Захарьинъ посылалъ пациентовъ именно въ такія палестины. Жерновка день и ночь воспѣваетъ чернолѣсье, море котораго разливается передъ нашими глазами. Зеленныя волны одна надъ другою всплываютъ все выше и выше, начинаясь въ логу, и, кажется, вотъ-вотъ сольются съ небосводомъ. А Солдатскую Слободку сторожитъ съ двухъ-трехъ сторонъ краснолѣсье. Величественный боръ, сквозной, чистый, бальзамическій, съ горы смотрится, маня подъ свою малахитовую сѣнь и зарѣчный посадъ, и дальнія деревни, и златоглавый Саввинъ монастырь.

Въ тайникахъ чернолѣсья и въ малахитовомъ бору любителю природы не исчерпать удовольствій. Міръ насѣкомыхъ разнообразенъ. Летучіе цвѣты—бабочки—щеголяютъ окраскою. Но кто веселитъ, такъ это птицы! Часто мнѣ вспоминался добрый другъ и пѣвецъ русскаго лѣса и его пернатыхъ жителей Д. Н. Кайгородовъ, когда я оставался съ глазу на глазъ съ лѣсомъ и птицами и слѣдилъ за милыми пѣвунами и тружениками. А ихъ много вокругъ и около Звенигорода. Грачи, пожаловавъ сюда весной, основываютъ колоніи на верхушкахъ сосенъ не только за городомъ, но и внутри его, и шумятъ день-деньской до половины іюня. Въ то же время около лужицъ въ кустарникѣ уже попрыгиваютъ чечевицы, или по-мѣстному—красные воробьи; синицы уже давно перекликаются между собою. То стайки малиновокъ покажутся, то дрозды заявятъ о себѣ. Надъ Жерновкою въ свое

ремя соловьи распѣваютъ и по зорямъ и среди бѣла-дня. Золотоголовыя овсянки благополучно разгуливаютъ около домовъ. И какъ много здѣсь кукушекъ, жаворонковъ, соекъ, варакушекъ! Около дачъ высятся скворешни, не всѣ, впрочемъ, занятыя этими пернатыми весельчаками: въ иныхъ свили гнѣзда воробьи.

«Городокъ» высится надъ долиною и логомъ съ Жерновкою, изъ котораго начинается и проѣзжая дорога. Дорога теряется въ травѣ, надъ крутизною. На языкѣ обывателей «Городокъ»—это

Соборъ на «Городкѣ» въ Звенигородѣ.

древнѣй городъ Звенигородъ, какъ онъ возникъ въ качествѣ укрѣпленнаго убѣжища на естественной горѣ, которую окопали глубокимъ ровомъ, обнесли валомъ и вообще еще укрѣпили искусственно; однако, стѣною съ бойницами города не обносили никогда,—по крайней мѣрѣ, изъ письменности не видно. На пространствѣ 85 саж. въ длину и 51 саж. въ ширину, въ каймѣ земляного вала, нѣкогда стоялъ княжескій дворецъ со службами, соборъ да жилища церковнослужителей; отъ дворца не осталось слѣдовъ, но соборъ красуется. Онъ одноглавый, строенъ изъ мѣстнаго желтовато-бѣлаго камня, вѣроятно, между 1389 и 1434 гг.; изъ подобнаго камня сооружался между прочимъ и Успенскій соборъ въ московскомъ кремлѣ.

Ревностный изслѣдователь отечественнаго зодчества, покойный Л. В. Даль писалъ: «Звенигородскій Успенскій соборъ представляетъ драгоцѣнный памятникъ московской области стилия зодчества того времени, не вполне схожаго съ суздальскимъ, но, вѣроятно, совершенно тождественнаго съ стилемъ ближайшихъ западныхъ городовъ Новгорода и Пскова. Сходство Успенскаго Звенигородскаго собора съ суздальскими церквами невозможно отвергать. Онъ такъ же, какъ и суздальскій, сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня, планъ его также византійскій четырехугольникъ съ тремя абсидами, четырьмя столбами, несущими главу, и тремя входами: съ сѣвера, съ запада и юга; на фасадѣ длинныя полуколонны, дѣлящія его на три части, тотъ же пестрый поясъ на половинѣ высоты зданія около абсидъ и на главѣ, тѣ же кокошники, заканчивающіе верхъ стѣнъ и даже тѣ же ничего не несущія капители на полуколоннахъ, можетъ быть, и тутъ и тамъ явившіяся вслѣдствіе разрушенія самой верхней арки кокошниковъ, наконецъ даже тѣ же полукруглыя окна...» Повидимому,—позволяю себѣ добавить я,—звенигородскій соборъ представляетъ собою достойный образецъ византійско-суздальскаго стилия съ романскимъ вліяніемъ; не чувствуется ли это въ деталяхъ церковной внѣшности? Да, благодаря передѣлкамъ уже и въ XVI вѣкѣ, соборъ, естественно, не могъ сберечь ни строгости византійскаго зодчества, ни отмѣнной типичности чисто-суздальскаго стилия. Подобно тому, какъ севильскій соборъ бралъ отъ каждаго вѣка, такъ что въ немъ появлялись придѣлы и въ стилѣ строго готическомъ, и въ стилѣ возрожденія, и въ стилѣ рококо, и въ національномъ—*plateresco*, такъ точно и нашъ соборъ заимствовалъ доступное ему, гдѣ можно: у Византіи, Суздаля, у «фрязиновъ».—«Первобытной простоты, то-есть полнаго согласія внутреннихъ частей съ наружными, мы не находимъ въ разсматриваемомъ нами соборѣ,—продолжаетъ Даль,—и даже болѣе: арки, идущія съ восточныхъ столбовъ на боковыя стѣны церкви, сѣкошены, потому что онѣ пришли бы иначе частью своихъ пять надъ окнами, которыя, какъ видно по работѣ, не новѣе XIII вѣка и впослѣдствіи только немного расширены». («Вѣстникъ общ. древне-русскаго искусства», 1873 г.)¹⁾. Не находимъ мы внутри храма и древнихъ (не поновленныхъ) иконъ по той причинѣ, что «въ 1739 г. протопопъ звенигородскаго собора Яковъ Осиповъ входилъ въ контору правительствующаго сената съ доношеніемъ объ исправленіи ветхостей въ соборѣ: по состоявшемуся въ прошломъ 1730 г. ея величества указу велѣно которые храмы святыя, отъ скудости или инымъ какимъ образомъ

¹⁾ Очень жаль, что академія художествъ, владѣя цѣнными рисунками этого виднаго зодчаго-археолога, не распространяетъ ихъ общедоступно въ видѣ тетрадей, напримѣръ.

опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать, а въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы... образы святыя въ Деисусѣ весьма ветхіе, на которыхъ и лику не имѣется; а иныя церковныя утвари въ той соборной церкви, чаши водосвятныя, укропника, подсвѣшниковъ и прочаго ничего не имѣется, потому что при прежнихъ протопопахъ оную соборную церковь воровскіе люди грабили; такожь на той соборной церкви кровля и глава деревянная вся огнила и крестъ на главѣ весьма поколебался и едва содер-

Красная башня съ церковью св. Алексѣя.

жится, а въ окнахъ оконницы стеклянныя развалились и выпадали и сквозь своды во многихъ мѣстахъ въ лѣтнее время идетъ дождевая вода... А приходскихъ людей при соборной церкви и вкладчиковъ нѣтъ и за нестроеніемъ въ той соборной церкви нынѣ служба Божія отправляется съ великою нуждою, потому что въ лѣтнее время въ церковь, въ окна набиваетъ дождемъ и зимою наноситъ снѣгомъ и птицы въ церковь таскаютъ всякой соръ...» Черезъ два года коллегія экономіи послала въ Звенигородъ извѣстнаго архитектора И. Мичурина осмотрѣть храмъ—и вотъ какую опись представилъ Мичуринъ коллегіи: «...въ иконостасѣ образъ Богоматери Одигитрии, образъ Живоначальныя Троицы, образъ Воскресенія Христова, образъ Успенія Богоматери, образъ Сергія Чудотворца и преп. отца Саввы звенигородскаго чудотворца, означенные образа надлежитъ починить красками и золотомъ;

сѣверныя и южныя двери мѣстами обветшали, надлежитъ починить красками и золотомъ... въ алтарѣ стѣнное письмо обліняло; въ придѣлѣ великомученика Георгія¹⁾ иконостасъ и въ немъ 5 образовъ, тако жъ царскія и сѣверныя двери, оное все мѣстами надлежитъ починить красками и золотомъ»... и т. д. («Чтенія въ общ. любит. духовнаго просвѣщ.», 1881). Неизвѣстно, что сдѣлано экономической коллегіей, но вообще ветхость устранена и починка красками и золотомъ была. Полукаменная-полудеревянная звонница, очевидно, замѣнившая собою шестиугольную брусчатую колокольню XVIII вѣка, возвышается около западнаго входа. Съ восточной стороны видится скромная деревянная церковка въ честь Крещенія Господня.

Необыкновенно отчетливо и ясно отражается звукъ на «Городкѣ». Видъ отсюда на окрестности прелестенъ. Прямо за Москвою-рѣкою верхній посадъ въ разливахъ зелени, и на переднемъ планѣ церковь Рождества Христова... Дальше сплошная стѣна лѣсовъ, прихотливыя возвышенности то съ зелеными, то съ коричневыми распашками, опять лѣса, деревни, изъ которыхъ Шахово мастерить гитары и балалайки, расходящіяся черезъ Москву по всей Россіи. Ближе луга и огороды, на которыхъ хозяйничаютъ неизмѣнные боровчане, благо и до Боровска отсюда верстъ 60 по большаку и проселками. Налѣво цѣлительный боръ и изгибающійся зеленою подковою Звенигородъ... онъ точно карабкается на песчаныя возвышенности. Налѣво теряются въ лѣсу дачи, только и видны затѣйливыя вершушки. И лѣсъ тоже изгибается лукою на двѣ версты. Тутъ противъ ветшающихъ ярмарочныхъ лавокъ и пассажа, которые оживляетъ Меркурій ежегодно въ 10-ую пятницу по Пасхѣ и 8-го іюля и сентября, убогая часовенка, точь-въ-точь какъ подъ Городкомъ, у источника; отъ часовни ширится паркъ, всходя на гору «Сторожи». Сквозь зеленый переплетъ вѣтвей бѣлѣетъ высокая стѣна съ зубцами и шестью башнями. На одной изъ башенъ—«Красной»—отъ временъ царя Алексѣя Михайловича виденъ государственный гербъ. Колокольня взметнула блестящій крестъ; неподалеку въ воздухѣ плаваютъ золотая глава собора, еще и еще кресты. Это Саввинъ монастырь.

II.

«Сторожи»... якоже небесный рай, благовоными насажденъ цвѣты.

(Изъ житія преп. Саввы).

Говорилъ мнѣ настоятель отецъ Даміанъ:

— Оскудѣваетъ рука дающихъ на обитель, а расходы ея не только не уменьшаются, но, напротивъ, все растутъ...

¹⁾ Этого придѣла въ соборѣ нѣтъ, а бывшій намекалъ на то, что соборный храмъ построилъ первоначально вел. кн. Георгій Даниловичъ.

Саввинъ-Сторожевскій монастырь.

— Время такое переживаемъ: съ одной стороны пресловутая «переоцѣнка цѣнностей», а съ другой—крайнее обѣднѣніе народа. И тутъ же невольно воскресало прошлое, то прошлое, когда «на Руси церкви были деревянныя, да священники (и монахи) золотые», когда подвигъ манилъ къ себѣ, подвигъ возвышенный, святой, и когда наконецъ тянулись-тянулись по глухимъ лѣснымъ и полевымъ дорогамъ великокняжескіе и царскіе поѣзда къ монастырскимъ «тихимъ пристанямъ».

Ученикъ преп. Сергія Радонежскаго Савва пришелъ на эту лѣсную гору, которая называлась «Сторожи», оттого что на ней стояла военная стража на случай литвы и поляковъ, основалъ обитель и послѣ трудовъ праведныхъ скончался 3 декабря 1407 года. Обитель расцвѣтала и расцвѣла, въ чемъ ей помогали звенигородскіе князья, начиная съ Георгія Дмитріевича, и въ особенности царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ были открыты мощи св. Саввы. Существуетъ преданіе,—забытый, хотя и талантливый Л. А. Мей изложилъ его въ красивыхъ, звучныхъ стихахъ,—будто бы незадолго до открытія мощей Тишайшій охотился въ звенигородскихъ лѣсахъ. Шла облава на медвѣдя. Стоялъ декабрь. Случилось такъ, что царь остался въ лѣсу одинъ-одинехонекъ. И вотъ изъ чащи выбѣгаетъ медвѣдь и бросается на царя; Алексѣй Михайловичъ на волосокъ отъ смерти, но тутъ чудесно появляется старецъ и спасаетъ его. «Кто ты, избавитель мой?» спрашиваетъ царь и слышитъ въ отвѣтъ, что передъ нимъ Савва, изъ числа иноковъ Сторожевской обители. И послѣ этихъ словъ старецъ направился туда. Узналъ вскорѣ Алексѣй Михайловичъ, какой инокъ Савва былъ въ лѣсу, и повелѣлъ освидѣтельствовать его гробъ. Мощи преподобнаго обрѣтены 19 января 1652 года. «Выходы» царя въ Саввинъ монастырь были многократны, причемъ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго, переведеннымъ съ арабскаго проф. Г. А. Муркосомъ, Алексѣй Михайловичъ «отстроилъ заново монастырь и всю душу положилъ на его построеніе, дабы сдѣлать его подобнымъ монастырю Троицкому»... самъ угрожалъ отцовъ монастыря... самъ прислуживалъ за столомъ для нищихъ, слѣпыхъ и калѣкъ... «училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «пойте то-го, читайте такой-то канонъ, такой-то ирмосъ, такой-то тропарь, такимъ-то гласомъ». Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью. Словомъ, онъ былъ какъ бы типикаріемъ, т.-е. учителемъ типикона, уставщикомъ, обходя и уча монаховъ. Онъ закигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ».

Нагляднымъ воспоминаніемъ о Тишайшемъ, кромѣ цѣнныхъ вкладовъ, пожертвованій, служатъ дворецъ, церковь св. Троицы, колокольня, зданіе духовнаго училища. Налѣво при входѣ на монастырскій дворъ видится оно, такъ сказать, подъ колокольнею,

готическая трехъярусная стрѣла которой съ четырьмя башнями и боевыми часами останавливаетъ вниманіе. На часахъ, привезенныхъ царемъ Алексѣемъ изъ Смоленска, именно на ихъ колоколѣ, написано: «Kylianus Wegewart me fecit. Campis. Anno 1636. Si Deus pro nobis, quis contra nos?» (Работа Килиана Вегеварта 1636 г. Богъ съ нами — кто на насъ?) Во второмъ ярусѣ колокольни помѣщается церковь преп. Сергія Радонежскаго. Среди колоколовъ наибольшій вѣситъ 2.125³/₄ пуда, побольше, стало-быть, знаменитаго «Сыся». Любопытна на немъ криптографическая

Соборъ въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ.

надпись (три нижнихъ строки): «Изволеніемъ преблагого и прещедраго Бога нашего и заступленіемъ милостивыя заступницы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и за молитвъ отца нашего и милостиваго заступника преподобнаго Саввы чудотворца, и по обѣщанію, и по повелѣнію раба Христова, царя Алексѣя, и отъ любви своея душевныя, и отъ сердечнаго желанія слить сей колоколъ въ домъ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея рождества и великаго и преподобнаго отца нашего Саввы чудотворца, что въ Звенигородѣ, нарицаемый сторожевскій». Три малыхъ колокола жертвованы Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

Ниже Сергіевской церковь св. Троицы, гдѣ древни иконы Неопалимой Купины и Алексѣя, челоуѣка Божія, и достойно вниманія

шитое шелкомъ изображеніе преп. Саввы. Рядомъ съ нею арка древняго входа, которая приводитъ къ Красной башнѣ. Стѣнная живопись поновлена. Сюда, бывало, входили цари-богомольцы. Церковь надъ святыми воротами, въ Красной башнѣ, устроена не болѣе четверти вѣка назадъ во имя Алексѣя, человѣка Божія, на средства князя Алексѣя Шаховскаго. Этотъ послѣдній хотѣлъ принять монашество въ Саввиной обители, но вскорѣ умеръ еще «въ мірѣ». Далѣе трапезныя и братскія кельи.

Противъ духовнаго училища, за оградою, дремлетъ фруктовый садъ, какъ бы скрывающій тайну своего творчества въ видѣ фруктовъ и соблазнительной малины, на которую, признаюсь, я только зарился, а руки послушниковъ и посягали. До 1782 года здѣсь стояла больничная церковь Іоанна Лѣствичника, пришла въ ветхость и была разобрана. Царь Алексѣй Михайловичъ, по запискамъ Павла Алеппскаго, построилъ особый «больничный монастырь» въ монастырѣ «съ особыми воротами и многочисленными кельями, кои сообщались другъ съ другомъ и (были) приспособлены для лѣта и зимы. Это помѣщеніе устроено для увѣчныхъ, слѣпыхъ, недвижимыхъ и пораженныхъ заразною болѣзнью изъ числа монаховъ этого монастыря, ради доставленія имъ большаго спокойствія и ухода. Царь поставилъ имъ игумена изъ ихъ среды и такого же келаря, назначилъ служителей не изъ нихъ, а іереевъ изъ ихъ числа, чтобы совершать для нихъ службы. Онъ назвалъ это мѣсто «успокоеніемъ больныхъ». Фруктовый садъ лѣпится къ розоватому царскому дворцу о двухъ этажахъ, съ помѣщеніями для о. намѣстника, о. казначея и викарнаго (можайскаго) архіерея. Нѣкогда на этомъ мѣстѣ помѣщались кельи, но «царь Алексѣй Михайловичъ отнесъ ихъ къ стѣнѣ восточной, а здѣсь на свое иждивеніе выстроилъ дворецъ¹⁾. Окончательная отдѣлка и украшеніе сего зданія относится ко временамъ царей Іоанна и Петра и царицы Софьи Алексѣевны. Въ 1742 году, во время случившагося въ монастырѣ пожара, дворецъ этотъ выгорѣлъ». Вѣроятно, тогда и погибли внутреннія украшенія и аксамитовая обшивка стѣнъ, а не въ 1812 году, какъ рассказываютъ монахи. «Въ 1775 году дворецъ былъ опять возобновленъ на сумму, пожалованную императрицею Екатериною II, которая въ томъ же году именнымъ указомъ назначила его для семинаріи, не долго однако существовавшей въ сей обители» (описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря). Въ анфиладѣ одиннадцати комнатъ заключается галерея царскихъ и архипастырскихъ портретовъ старинной работы: Грозный, Тишайшій, дѣти, внуки и правнуки его; вотъ Софья, уже инокиня, вотъ патріархъ Никонъ и знаменитые ораторы Амвросій Протасовъ и Геденъ Криновъ, 16-й саввинскій архимандритъ. Къ слову: въ

¹⁾ Не ранѣ весны 1656 г.

спискѣ настоятелей, послѣ преп. Саввы, значатся такія имена, какъ: Гедeonъ Криновъ; Серафимъ (Глаголевскій) и Исидоръ (Никольскій) — впоследствии петербургскіе митрополиты, выдающійся проповѣдникъ Августинъ (Виноградскій), Евгенийъ (Сахаровъ-Платоновъ), Леонидъ (Краснопѣвковъ, † архіепископъ ярославскій), Никодимъ (Бѣлокуровъ) ¹⁾ и наконецъ здравствующій архіепископъ Алексѣй (Лавровъ).

Посѣтителямъ показываютъ во дворцѣ два кресла царя Алексѣя Михайловича. Но не осталось ничего отъ «алексѣевскихъ»

Скитъ въ Саввинѣ монастырѣ.

крытыхъ переходовъ отъ дворца къ Рождественскому собору, въ нынѣшнюю разницу, а тогда моленную палату, какъ не сохраненъ и деревянный царицы Марьи Ильиничны теремъ.

Сердце обители—соборъ Рождества Пресвятой Бородицы, одноглавый, приземистый, бѣлокаменный, весь сверху донизу расписанный. Строенъ онъ при жизни преп. Саввы, стало-быть, постарше Троицкаго въ Сергіевой лаврѣ, на него похожаго. Это русское мастерство, котораго еще не коснулся геній Аристотеля Фіоравенти. Четыре столба—опора свода—типичны и для до-аристотелевскихъ, и для его храмовъ. Шатровое крыльцо съ западной стороны вводитъ въ галерею, которая на южной сторонѣ смы-

¹⁾ Погребенъ въ галереѣ собора налѣво отъ входа.

кается съ придѣльной церковью во имя преп. Саввы; здѣсь гробница, въ коей его мощи почивали до открытія; въ 1680 году царь Ѳедоръ Алексѣевичъ создалъ серебряную раку съ такою же сѣнью, и онѣ блистаютъ у южныхъ вратъ въ алтарь. Древній покровъ на гробницѣ, древле-писанный образъ преподобнаго какъ бы призываетъ вѣрующихъ, возвышаясь надъ гробницею. Пятиярусный иконостасъ не соотвѣтствуетъ ракѣ: онъ мраченъ, сухъ, но и величественъ. Готическій стиль отразился въ немъ, холодный, какъ разсудокъ или какъ протестантизмъ. Когда я всматривался въ эти длинные ряды иконъ, въ куполь, въ стѣны, въ столбы, въ эти строгіе лики, въ эти изображенія вселенскихъ соборовъ, въ эту вообще стѣнную живопись по золоту, то мнѣ казалось, что въ этомъ храмѣ раскрывается полная идея вселенской церкви, какъ и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и во многихъ другихъ храмахъ, ожидающихъ своихъ изъяснителей... Или я ошибаюсь?

Вокругъ собора раскидалось кладбище. Тутъ же цвѣтникъ и резервуаръ. Поодаль могуче возноситъ къ небесамъ зеленую главу свою опоясанный желѣзнымъ обручемъ вязъ. Говорятъ, онъ свидѣтель высокихъ подвиговъ Саввы; въ такомъ случаѣ этотъ вязъ, да колодезь противъ ярмарочныхъ лавокъ, да пещера (и тотъ и другая созданіе преподобнаго), вмѣстѣ они всѣ являются какъ бы звеньями, соединяющими наши дни съ днями собирателей Руси. Наслѣдье XV вѣка пощадили время и вороги русскаго народа. А ихъ ли не видала на своемъ вѣку Саввина обитель! Въ глубокую старь литва, въ смутное время поляки¹⁾, въ 1812 году французы—кто не терзалъ монастыря!

Въ 1812 году обитель видѣла въ своихъ стѣнахъ 3-й корпусъ наполеоновской арміи. Можно думать, что не пощадили бы монастырскихъ святынь и сокровищъ тѣ, кто въ миланскомъ монастырѣ Santa Maria delle Grazie бросалъ кирпичи въ «Тайную Вечерю» Леонардо да-Винчи, но армейцами командовалъ благородный и строгій герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій, вице-король Италіи, которому вдобавокъ во снѣ явился преп. Савва и просилъ удержатъ отъ грабежа солдатъ, за что будетъ сохранена его жизнь. Герцогъ повиновался волѣ вѣчнаго игумена Сторожевской обители, и, дѣйствительно, пули щадили его во всѣхъ сраженіяхъ; умирая, Евгенийъ завѣщалъ сыну Максимилиану, когда будетъ въ Россіи, непременно посѣтитъ Саввинъ монастырь и поклонится его мощамъ²⁾.

¹⁾ Въ 1606 году при Лжедмитріи игуменствовалъ Исаія, о которомъ въ описаніи Саввино-Сторожевскаго монастыря (М. 1904 г.) неправильно говорится, что митрополитъ казанскій и свѣжскій Ефремъ посвятилъ его въ митрополиты крутицкіе. Нѣтъ, именно посвященія не было, и почему не было—тайна того времени.

²⁾ Герцогъ Евгенийъ Александровичъ Лейхтенбергскій умеръ 1824 года. Его сынъ Максимилианъ Евгеньевичъ посѣтилъ Саввинъ монастырь въ 1839 году.

Отъ монастыря до пещеры преподобнаго не болѣе версты. Лѣсная дорога ползеть высоко надъ притокомъ Москвы Разваднею, за которою красиво лежатъ Стрѣлецкая слобода и зеленя возвышенности. Тамъ и лѣса, и пашни, и луга, и села. Природа, свобода, аромат... Монастырь славится окрестностями: недаромъ вокругъ него много дачъ. Есть уголки, носящіе такія прозвища, какъ «Америка», на обрывахъ которой воркуютъ московскія «бабиньки», Вѣрочки и Волоховы... Саввина пещера обращена въ часовню; надъ нею возвышаются храмъ и скитъ. Лѣсная корона вѣнчаетъ ихъ. Тишину нарушаютъ только силуэты богомольцевъ и богомолокъ, лѣтомъ и осенью иногда многочисленныхъ. Въ обители для нихъ три, правду сказать, дорогихъ гостиницы и страннопріимный домъ. Раннимъ посѣтителямъ предоставляется слушать неугомонныхъ грачей, которые здѣсь чувствуютъ себя такъ же хорошо, какъ чайки въ Соловкахъ.

Въ богатую ризницу и въ любопытную библіотеку доступа нѣтъ: страхъ держитъ ихъ подъ крѣпкими замками. Монастырское хозяйство значительно и разбросано тамъ-и-сямъ среди многовѣковыхъ лѣсныхъ великановъ. О, какъ хочется понять шумъ ихъ и лепетъ мимо катящей Москвы-рѣчки,—вѣдь, они восполнили бы отечественныя лѣтописи; вѣдь въ этомъ шумѣ и лепетѣ то, чего не досказываетъ исторія!

Павелъ Россіевъ.

